

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.545+339.98

Н. А. Кожанов, С. Ф. Сутырин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ «ПРИНУЖДЕНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ КОНТРАКТА» (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН)*

В международной практике последних десятилетий существует немало примеров применения различных экономических санкций. Объектами их введения в разные годы были (и в ряде случаев продолжают быть) Ливия, Ирак, Куба, СССР, Афганистан, ЮАР и др. Несмотря на активное использование этого инструмента торговой политики, в экспертной среде не утихают дискуссии относительно его эффективности и форм применения [1–6]. В настоящей статье авторы предпринимают попытку анализа ряда важных аспектов указанной проблемы применительно к ситуации, складывающейся вокруг Исламской Республики Иран (ИРИ)¹.

Санкции как элемент внешнеэкономической политики

В теоретическом ключе анализ экономических санкций необходимо осуществлять в контексте исследования механизма обеспечения соответствующих норм и правил. В принципе любой международный договор, регулирующий хозяйственную деятель-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Кафедра ВТО в СПбГУ».

¹ Подробный анализ проблемы санкций, введенных в отношении Исламской Республики Иран (ИРИ), см. [7].

Николай Александрович КОЖАНОВ — канд. экон. наук, эксперт Института Ближнего Востока (Москва). В 2006 г. окончил восточный и экономический факультеты СПбГУ по специальностям «История Ирана» и «Мировая экономика». В 2010 г. защитил кандидатскую диссертацию. В июне–июле 2005 г. проходил языковую стажировку в Тегеранском государственном университете. С октября 2006 по ноябрь 2009 г. замещал должность секретаря-референта, а в дальнейшем атташе Посольства России в Иране. Сфера научных интересов — экономика стран Ближнего и Среднего Востока. Автор 26 статей и одной монографии.

Сергей Феликсович СУТЫРИН — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики СПбГУ. Окончив экономический факультет, с 1974 г. преподает в Университете. В 1978 г. защитил кандидатскую, в 1989 — докторскую диссертации. Стажировался в Лондонской школе экономики (1980–1981) и Банке Финляндии (1995–1996). Читал лекции в университетах Германии, Финляндии, Швеции, Японии. Область научных интересов — международные экономические отношения, история экономической мысли. Автор более 200 научных работ, в том числе 4 монографий. 38 работ опубликованы в США, Германии, Норвегии, Финляндии, Исландии, Японии, КНР.

© Н. А. Кожанов, С. Ф. Сутырин, 2012

ность, равно как и любая международная экономическая организация, обладают по сравнению с национальным государством весьма ограниченным потенциалом «принуждения к выполнению контракта».

Как известно, национальные государства решают эту задачу в значительной мере, если не в первую очередь, за счет легитимного применения насилия в отношении объектов собственного регулирования². Международные же экономические организации подобных прав не имеют и вынуждены полагаться скорее на свой моральный авторитет.

Даже такие глобальные институты, как Международный валютный фонд (МВФ) или Всемирный банк (ВБ), располагающие возможностью оказывать прямое финансовое воздействие на определенную часть членов мирового сообщества на основе отказа в предоставлении кредитов, зачастую неспособны эффективно повлиять на поведение субъектов международных экономических отношений. Во многом это объясняется тем, что, как справедливо отмечает индийский исследователь Д. Найяр, в результате роста объема прямых зарубежных инвестиций ВБ и МВФ в качестве источников финансовых ресурсов, по существу, маргинализировались [8, р. 9–10]. Конечно, соответствующие решения указанных институтов служат серьезным сигналом для частных кредиторов, но не имеют для последних обязательного характера.

В этих условиях единственным инструментом насильственного принуждения в мирохозяйственной сфере являются экономические санкции, которые применяются по отношению к физическим и/или юридическим лицам некоего государства (или группы государств) с целью добиться от него изменения каких-либо достаточно значимых аспектов функционирования. При этом в большинстве случаев речь фактически идет об использовании насилия в отношении субъектов, не входящих в сферу регулирования вводящего санкции государства. Определенным исключением из этого правила являются ограничительные меры, принимаемые Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). В его непосредственной юрисдикции находятся, как известно, 193 страны, т. е. подавляющее большинство государств современного мира [9].

В своей наиболее радикальной форме санкции подразумевают полный или частичный запрет экономических связей со странами-виновниками. В этом случае принято употреблять понятие «эмбарго». В менее жестком виде речь может идти об относительном ухудшении условий экономического взаимодействия в отношении стран-нарушителей (отмене режима наибольшего благоприятствования в торговле, торговых преференций, запрете на предоставление им торговых кредитов или ухудшении условий кредитования и т. п.). Например, статья 3 ФЗ РФ № 281 «О специальных экономических мерах» предусматривает как полное запрещение, так и установление ограничений на осуществление финансовых и других внешнеэкономических операций между российскими хозяйствующими субъектами и хозяйствующими субъектами иностранного государства.

Применение подобных мер обосновывается довольно просто. Санкции ведут к экономическим потерям, что сказывается на населении страны, находящейся под их воздействием. Тем самым провоцируется недовольство в отношении выбранной ее правительством политики, приведшей к подобной ситуации. В свою очередь, это вынуждает руководство данного государства идти на уступки с целью отмены введенных

² Об этом со всей определенностью писали все ведущие исследователи этой проблемы, начиная с Т. Гоббса и кончая М. Вебером или Д. Нормом.

в его отношении мер. Также возможен несколько иной вариант, при котором санкции накладываются для того, чтобы ограничить доступ к определенным видам финансовых и материальных ресурсов и тем самым ослабить возможности развития и реализации неких программ [1, р. 68–69]. Сами по себе указанные меры вводятся в отношении государства, чья деятельность не соответствует предъявляемым к нему требованиям (в ряде случаев речь идет о наказании той или иной страны за совершенное международное правонарушение).

Режим экономических санкций против ИРИ: общая характеристика

Основной причиной введения санкций в отношении Исламской Республики Иран официально считаются ядерные исследования Тегерана, вызвавшие серьезные опасения у международного сообщества. Принимаемые меры должны были ликвидировать возникшую в регионе серьезную угрозу режиму Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО). В этой связи 31 июля 2006 г. на 5500-м заседании Совета Безопасности ООН была принята резолюция № 1696. По своей сути она не накладывала никаких ограничений на сотрудничество с Ираном, а лишь являлась своеобразным предупреждением Тегерану. Вовлеченные в процесс урегулирования ситуации страны в данном случае придерживались строгих правил, в соответствии с которыми сначала следовало вынести предупреждение, а лишь потом наказывать нарушителя сложившегося порядка.

Однако поданные сигналы не были услышаны в ИРИ, и 23 декабря 2006 г. Совет Безопасности принял первую (№ 1737), а 24 марта 2007 г. — вторую санкционную резолюцию (№ 1747) по Ирану. Первая из них ограничивала непосредственные поставки материалов и технологий для ИЯП, а также касалась финансовых активов тех физических и юридических лиц, которые были связаны с ядерной или ракетной программами Тегерана; вторая — несколько расширяла возможности применения санкций. Как показало дальнейшее развитие событий, действия СБ ООН не дали ожидаемого эффекта. В этих условиях 3 марта 2008 г. была принята третья санкционная резолюция в отношении ИЯП — № 1803, которая продолжила линию на ужесточение режима в отношении ИРИ.

Судьбоносным в истории ИЯП стал 2010 г. После выхода Ирана на уровень обогатения 20% принятие новой резолюции стало неизбежным. Резолюция № 1929 была одобрена СБ ООН 9 июня. Она не ограничивается простой констатацией неконструктивного подхода Тегерана к решению существующей проблемы. Новый документ обозначает пути комплексного экономического давления на Иран. Прежде всего, государствам рекомендовалось «проявлять бдительность» при операциях с иранскими банками, выдаче разрешения на деятельность представительств финансовых институтов из ИРИ на своей территории или, наоборот, при открытии филиалов собственных финансовых структур в Иране. Кроме того, признавая, что доступ к разнообразным и надежным источникам энергоресурсов имеет кардинальное значение для устойчивого роста и развития любой страны, члены СБ ООН отметили в резолюции возможность существования взаимосвязи «между доходами Ирана, генерируемыми в его секторе энергетики, и финансированием чувствительной в плане распространения ядерной деятельности». В документе особо подчеркивается, что «химическое технологическое

оборудование и материалы, необходимые для нефтехимической промышленности, имеют много общего с оборудованием и материалами, необходимыми для ... (организации. — Н. К., С. С.) ядерного цикла» [10].

Начиная с принятия в 2006 г. первой резолюции по ИЯП решения Совета Безопасности ООН получали развитие и конкретизацию в соответствующих мерах, введенных членами мирового сообщества, среди которых особо следует выделить США. Во-первых, именно эта страна традиционно использует санкции для достижения своих внешнеэкономических и внешнеполитических целей. Во-вторых, Соединенные Штаты, являясь лидером западного мира, задают модель поведения для своих союзников и партнеров. Наконец, в-третьих, в данном случае история американских санкций в отношении ИРИ начинается 14 ноября 1979 г., т. е. задолго до принятия СБ ООН первых решений по Ирану.

В соответствии с законодательством американским гражданам запрещено осуществлять импорт любых товаров, произведенных в Иране, на территорию США непосредственно или через третьи страны. Практически полностью запрещен экспорт американских товаров и услуг в Иран. Граждане Соединенных Штатов не имеют права на ведение прямых или косвенных торгово-экономических операций с Правительством ИРИ. Особо подчеркивается, что представители США не могут приобретать и торговать продуктами нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей ИРИ. Им также запрещается оказывать инжиниринговые услуги и предоставлять технологии.

Практически любая финансовая деятельность между американской и иранской сторонами запрещена. В первую очередь это касается инвестирования средств в нефтегазовую и нефтехимическую отрасли, проекты по развитию экономической инфраструктуры, а также в собственность, принадлежащую гражданам Ирана. Американским финансовым институтам не разрешается обслуживать счета иранских государственных организаций или частных лиц, выдавать аккредитивы, предоставлять кредиты, осуществлять вклады в банки Ирана и проводить транзакционные операции с участием иранского капитала или с помощью иранских финансовых институтов.

Специфика применяемых к Ирану санкций со стороны США заключается в том, что они предусматривают определенные требования к третьим странам, имеющим торгово-экономические отношения с ИРИ. Иностранным фирмам и физическим лицам (с некоторыми оговорками) запрещено участвовать в реэкспорте американских товаров в Иран. Если они будут замечены в этом, то против них могут быть применены определенные ограничения на экспорт товаров и услуг из Соединенных Штатов.

Реакция Соединенных Штатов после принятия резолюции № 1929 не заставила себя долго ждать. 1 июля 2010 г. президент США Б. Обама подписал разработанный и одобренный Сенатом закон № 2194 о применении новых односторонних санкций против ИРИ. Он дополнял и расширял положения закона Д'Амато, действенность применения которого на практике, по мнению ряда американских экспертов, была недостаточна.

В частности, принятый закон подтверждает правило о 20 млн долл. США как о максимально допустимой сумме инвестиций в нефтегазовый сектор ИРИ. При этом уточняется, что если компания ведет несколько инвестиционных проектов, то в 12-месячный период вкладываемые средства по каждому из них не должны превышать 5 млн долл., а их сумма — 20 млн долл. США [11]. Кроме того, теперь американским и иностранным компаниям запрещается поставлять в Иран любые товары, услуги или

технологии, необходимые для строительства новых или поддержания в функционирующем состоянии существующих НПЗ на территории Ирана, если стоимость разовой поставки превышает 1 млн долл. или суммарно за годичный период объем составляет более 5 млн долл. США.

Серьезным и важным шагом стало ограничение на экспорт продуктов нефтепереработки (т. е. бензина, дизельного топлива, авиационного керосина) в ИРИ. Теперь любая компания гарантированно попадет под действие санкций, если стоимость разовой поставки превосходит 1 млн долл. или 5 млн долл. США суммарно за год. Те же условия применяются к любой деятельности, обеспечивающей экспорт топлива в Иран (страхование, перевозка, финансирование, брокерские услуги и т. д.).

Инициатива США была поддержана целым рядом государств, таких как Австралия, Канада, ОАЭ, Швейцария, Япония, и большинством стран-членов Евросоюза, которые вслед за Вашингтоном поспешили принять соответствующие меры в отношении ИРИ. В большинстве своем накладываемые ими санкции в точности копировали американские. Однако в ряде случаев имели место и определенные отличия.

Так, Евросоюз не ввел никаких ограничений, связанных с поставками бензина в ИРИ, но запретил продавать Ирану оборудование и технологии, нужные для строительства новых и модернизации старых НПЗ. Таким образом, страны ЕС уходили от решения вопроса, связанного с эмбарго на экспорт горючего, что потребовало бы приложения значительных усилий и могло привести к открытому столкновению с ИРИ, а также формально оказывались несвязанными с фактической попыткой лишить Тегеран доступа к стратегически важному виду топлива. Последнее значительно осложнило бы сотрудничество ЕС с Ираном, где европейцы по-прежнему имеют свои интересы, и вызвало бы негативную реакцию части мирового сообщества, включая европейских бизнесменов, получающих доходы от торговли бензином с ИРИ.

В складывающейся ситуации формально вся ответственность ложится на США: именно они ввели экстерриториальные санкции, ограничив тем самым Тегерану доступ к энергоносителям, что в конечном счете может ускорить рост цен на потребительские товары в стране и отрицательно сказаться на благосостоянии простого иранского обывателя. В отличие от этого одно из главных декларируемых европейскими политиками условий применения экономических санкций заключается в том, чтобы от их применения страдали лишь физические и юридические лица, связанные с ИЯП. По этой причине Европейский совет «ограничился» вышеназванным запретом на торговлю оборудованием для иранских НПЗ и инвестиции в их строительство.

В действительности же вводить непопулярные ограничения на торговлю топливом не требовалось — европейские компании под давлением американских угроз и так уже прекратили или снизили поставки горючего в Иран. В складывающейся ситуации важно было лишить руководство ИРИ возможности быстро нарастить собственные производственные мощности, чему и способствовало решение Европейского совета от 26 июля 2010 г. Оно также учитывало планы иранцев вынести часть производства горючего за пределы ИРИ в лояльные исламскому режиму страны (например, в Сирию) и запрещало членам ЕС оказывать финансовую и технологическую поддержку любым проектам в энергетической сфере с участием иранцев как в самой стране, так и за ее пределами.

Влияние санкций на ИРИ

Начать необходимо с того, что в принципе предугадать эффект от введения санкций заранее весьма сложно. Последствия их применения могут быть достаточно разнообразны и непредсказуемы. Так, принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции от 18 мая 1951 г. о всеобщем эмбарго на торговлю с КНР (в связи с войной в Корее) заставило Гонконг срочно искать новые рынки сбыта продукции. Ими стали страны Юго-Восточной Азии. Таким образом, эмбарго явилось толчком для развития в Гонконге местного производства, в особенности отраслей, продукция которых ранее импортировалась из КНР для последующего реэкспорта.

Введенные США, ЕС и их партнерами санкции в отношении ИРИ должны были нанести серьезный удар по иранской экономике, ухудшить положение руководства страны и принудить его к пересмотру своих позиций по ИЯП. Однако последствия принятых мер нельзя оценить однозначно. Прежде всего, со всей определенностью можно утверждать, что на данный момент введенные против Ирана санкции не повлияли на решимость руководства ИРИ реализовать свою ядерную программу. Более того, значительная часть иранского общества откровенно консолидировалась в своей поддержке курса официального Тегерана в указанном вопросе.

Если же рассматривать влияние санкций на социально-экономическое развитие Ирана, то и здесь последствия их применения весьма противоречивы. Экономическая ситуация в Иране в 2010–2011 гг. складывалась непросто. По данным иранских источников, темпы роста ВВП ИРИ в 2010 г. снизились по сравнению с докризисным периодом. При этом «нефтяная» часть экономики выросла только на 1,7% (против 1,9% в 2009 г.) [12].

К осени 2010 г. иранские деловые круги стали активно жаловаться на возникающие сложности с импортом необходимого сырья и комплектующих, а также получением аккредитивов для их ввоза. По некоторым данным, с момента введения новых санкций только себестоимость импорта промышленного оборудования выросла на 30%, вызвав естественный рост цен в зависимых от этого отраслях экономики. Со схожими проблемами сталкиваются иранская фармацевтика и компании по производству строительных материалов [13].

Вместе с тем не все социально-экономические показатели 2010 г. ИРИ выглядят удручающе. Уровень инфляции значительно снизился с 25,5% в 2008 г. и 13,5% в 2009 г. до 8% к концу 2010 г. [13]. Оставались достаточно стабильными добыча нефти (3,7 млн баррелей в сутки) и ее экспорт (2,1 млн баррелей в сутки) [12]. В результате иранские валютные резервы не только не сократились, но и возросли с 78 до 88,9 млрд долл., превысив показатель докризисного 2008 г. в 79,6 млрд долл. США и позволив ЦБ ИРИ стабилизировать ситуацию на валютном рынке страны осенью 2010 г. [12].

Важно иметь в виду, что иранская экономика находилась в тяжелом положении задолго до принятия экономических санкций. В частности, проблема удовлетворения внутренних потребностей ИРИ в бензине существовала еще до 2006 г. Иран традиционно импортировал до 1/3 потребляемого в стране бензина. Санкции 2010 г. лишь усугубили ситуацию [14]. Установленные европейцами и американцами ограничения по ввозу нового оборудования для нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей ИРИ значительно ограничили иранские возможности по проведению модернизации старых и созданию новых нефтеперерабатывающих заводов.

Для того чтобы компенсировать возникший в результате введения санкций дефицит бензина, иранские власти приняли специальную программу. Она включала в себя: 1) перевод НПЗ страны на интенсивный график работы; 2) частичное переключение мощностей нефтехимической промышленности на производство бензина; 3) переход к получению топлива методом так называемого реформинга. В результате всего за два месяца (к октябрю 2010 г.) производство бензина в ИРИ увеличилось с 44–47 до 66,5 млн литров в день. Ряд иранских экспертов поспешили назвать произошедший скачок «промышленным чудом», доказывающим, что приобретенный в годы ирано-иракской войны и международной изоляции опыт опоры исключительно на собственные ресурсы послужил на благо страны [15; 16].

Вместе с тем здесь необходимо учесть ряд важных обстоятельств. Во-первых, «реформинг» фактически означает существенное снижение качества производимого топлива. А это ведет к резкому сокращению срока службы двигателей и наносит ущерб и без того далеко не безупречной экологической обстановке в Тегеране и других крупных городах страны. Во-вторых, резко сократились поставки за рубеж продукции нефтехимии, что в значительной степени блокирует планы диверсификации иранского экспорта. В-третьих, НПЗ вынуждены работать на износ, не имея, как уже отмечалось, реальных возможностей по оперативной замене импортного оборудования.

Санкции, по замыслу их инициаторов, должны были поставить под угрозу судьбу наиболее амбициозных иранских инвестиционных проектов в энергетической сфере, вызвав «тотальное бегство» иностранного капитала из ИРИ [17, р. 5, 7, 8, 42–45; 18]. Большинство европейских и ряд азиатских компаний действительно поспешили покинуть иранский энергетический сектор в 2010–2011 гг. Однако их уход был компенсирован компаниями из тех стран, которые в том или ином виде выступили против введения в отношении ИРИ односторонних санкционных мер США, ЕС и их союзниками.

Главную роль в этом процессе сыграл Китай. Такая позиция КНР объясняется простым прагматичным расчетом. Иран выступает важным элементом системы энергетической безопасности Китая, найти замену которому Поднебесной так и не удалось. По некоторым данным, если в 2008 г. Иран ежедневно поставлял в Китай 408 тыс. баррелей сырой нефти, то в 2009 г. этот показатель составил уже 544 тыс. баррелей (16% всего китайского импорта сырой нефти) [19, р. А14; 20].

На этом фоне 30 июля 2010 г. официальный представитель Министерства иностранных дел КНР Дж. Ю (Jiang Yu) выразил недовольство односторонними санкциями, введенными ЕС в отношении ИРИ [21]. Примерно в то же время в западных СМИ появились сообщения о новом наращивании китайскими компаниями объема поставок бензина в ИРИ [22]. Более того, 2 августа 2010 г. консалтинговая компания *Energy Market Consultants Ltd* (ЕМС) заявила, что китайские и турецкие фирмы стали основными экспортерами горючего в Иран, разрушая, таким образом, надежды европейцев и американцев на топливную блокаду этой страны [23].

В 2006–2010 гг. в складывавшейся непростой ситуации вокруг ИЯП Пекин явно стремился использовать уход европейских компаний с энергетического рынка ИРИ для укрепления собственных позиций. За этот период его компаниями были подписаны контракты на модернизацию нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) «Арак» (июль 2006 г., *Sinorep*, 956 млн долл. США), развитие нефтяных месторождений «Северный Азадеган» (январь 2009 г., *CNPC*, 1,75 млрд долл. США), «Ядавара» (декабрь 2007 г., *Sinorep*, 2 млрд долл. США), «Гармсар» (июнь 2009 г., *Sinorep*, 20 млн долл. США) и 11-го

блока газового месторождения «Южный парс» (февраль 2010 г., CNPC, 4,7 млрд долл. США) [24, р. 24–26]. Случай с 11-м блоком «Южного Парса» весьма показателен, так как здесь китайцы взяли на себя реализацию проекта, от которого под давлением санкций отказалась французская *Total* [25; 26].

Уже в конце июля 2010 г. в прессу стала просачиваться информация о том, что китайская *Sinopec* и малазийская *SKS Ventures* активно пользуются складывающейся ситуацией и ведут с иранской стороной переговоры о передаче им контрактов ушедших из ИРИ иностранных компаний [27]. В частности, представители КНР продолжили переговоры с Тегераном относительно перспектив развития газового месторождения «Северный Парс» (с последующей закупкой произведенного сырья), а также ранее обещанного индийцам 12-го блока другого газового месторождения — «Южный Парс» [24, р. 26].

Примеру Китая следует целый ряд стран. В частности, несмотря на принятые санкции, активно развивается сотрудничество ИРИ с Южной Кореей и, как это ни парадоксально, с Германией, а также отчасти с Австрией [28, р. 7]. Не стоит недооценивать и роль незначительных по масштабам сотрудничества партнеров Ирана. Некоторые эксперты, специализирующиеся на теоретических вопросах применения экономических санкций и повышения их эффективности, используют применительно к подобным государствам термин «черный рыцарь». Им обозначаются малые торгово-экономические партнеры страны, находящейся под действием санкций, которые ради получения дополнительной прибыли или выгоды какого-либо иного рода (в том числе и политической) помогают ей нарушать санкционный режим (или, как минимум, ослабляют негативные последствия его введения) [29, р. 427–447].

В случае с Ираном санкции 2010 г. позволили примерить на себя роль «черного рыцаря» Венесуэле и Белоруссии, Бразилии, Эквадору, Сирии, Малайзии, Турции и ряду других стран. Ранее их фирмы не могли полноценно конкурировать с присутствовавшими на рынках ИРИ крупными западными (и не только) компаниями. Однако постепенный уход последних открыл перед малыми торгово-экономическими партнерами Ирана целый ряд возможностей по наращиванию своего присутствия в этой стране.

Естественно, что один или два «черных рыцаря», как правило, не могут компенсировать негативный эффект внешнего экономического давления. Однако, когда их число превышает некую критическую массу, они могут стать серьезной угрозой для любого санкционного режима. Что касается Ирана, то эта критическая масса была набрана практически сразу после введения санкций 2010 г. Причем свои услуги предложили не только компании малых партнеров Тегерана, но и представители малого и среднего бизнеса по всему миру.

В частности, еще летом 2010 г. небольшие фирмы из Индии, Сингапура, Японии и Китая компенсировали массовый отказ крупных морских перевозчиков обеспечить экспорт нефтехимических товаров из ИРИ. Сообщается, что большинство этих фирм в силу масштабов своего бизнеса не имели никаких деловых связей с США или ЕС и в результате могли не опасаться применения в отношении себя санкционных мер. Между тем контракты с иранскими партнерами оказались весьма привлекательными: за оказанные транспортные услуги представители ИРИ были готовы платить по повышенным тарифам [30].

Само Иранское правительство также ведет активный поиск претендентов на роль «черных рыцарей». Еще накануне введения санкций 2010 г. Тегераном был налажен

импорт бензина из Румынии, Катара и Малайзии. Некоторые договоренности были достигнуты с компаниями стран Центральной Азии и России [31]. В ряде случаев решающим фактором для заключения контракта оказалась готовность ИРИ переплатить за поставки топлива [32]. Схожий подход применялся и в случае, когда к 2011 г. ряд крупных европейских страховых фирм отказался предоставлять услуги иранским танкерным компаниям. Как сообщается, замена им была найдена за пределами ЕС [33]. Причем новые компании вовсе не являются основными игроками рынка.

Турцию и Венесуэлу можно назвать наиболее активными «черными рыцарями» Ирана [34]. Так, в феврале 2011 г. министр внешней торговли Турции Зафер Кагляян заявил о намерении страны вывести годовые объемы товарооборота с Ираном на уровень 30 млрд долл. США. Он особо акцентировал, что санкции США не станут помехой для достижения указанной цели [35]. В частности, власти Турции с готовностью открыли свои дороги и порты для товаров, предназначенных для реэкспорта (или следующих транзитом) в ИРИ.

Власти Венесуэлы также не стали стоять в стороне. 21 октября 2010 г. они подписали с Тегераном ряд меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве в энергетической сфере. Характерно, что это событие вызвало серьезную озабоченность у Госдепартамента США [36]. По имеющимся данным, государственная компания Венесуэлы *Petróleos de Venezuela, S. A. (PDVSA)* значительно увеличила поставки бензина в ИРИ. Как сообщает аналитическое агентство *Energy Intelligence Group*, в соответствии с договоренностями, достигнутыми к февралю 2011 г., эта корпорация обязалась ежемесячно экспортировать в Иран 60 тыс. т топлива [37]. Более того, с весны 2011 г. власти США стали подозревать *PDVSA* не только в продаже Ирану горючего в объемах, превышающих дозволенный американскими санкциями максимум, но и в поставках в эту страну некоторых видов химических веществ, позволяющих значительно улучшить качество производимого в ИРИ бензина. По словам американских чиновников, продажа указанных веществ является прямым нарушением санкционного режима и представляет для него серьезную угрозу [38].

Чему учит «иранский опыт»?

Итак, к каким же выводам можно прийти на основании вышеизложенного? Во-первых, как представляется, в принципе полностью исключить экономические санкции из арсенала средств достижения внешнеэкономических и внешнеполитических целей мировому сообществу в обозримом будущем не удастся. Как таковые, санкционные меры во многом выступают предпочтительной альтернативой военным методам решения международных проблем.

Во-вторых, действенность санкций зависит от следующих факторов: а) насколько «контракт» учитывает многообразные интересы членов международного сообщества, принимает ли он их во внимание или грубо навязывается; б) является ли «принуждение к исполнению контракта» в действительности причиной введения санкций или служит всего лишь поводом для этого.

В-третьих, проведенный анализ заставляет еще и еще раз задуматься о том, насколько экономические рычаги воздействия подходят для решения «неэкономических» по своей природе задач.

Литература

1. Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Economic Sanctions. Examining Their Philosophy and Efficacy. Westport, 2003.
2. Askari H. G., Forrer J., Teegen H., Yang J. Case Studies of U. S. Economic Sanctions: The Chinese, Cuban, and Iranian Experience. Westport, 2003.
3. Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World? / eds D. Cortright, G. A. Lopez. Boulder, 1995.
4. International Sanctions: Between Words and Wars in the Global System / eds P. Wallenstein, C. Staibano. London, 2005.
5. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Washington, 2007.
6. Simons G. Imposing Economic Sanctions: Legal Remedy or Genocidal Tool? London, 1999.
7. Кожанов Н. А. Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения / под ред. С. Ф. Сутырина. М.: Институт Ближнего Востока, 2011.
8. Nayyar D. Towards Global Governance // Governing Globalization. Issues and Institutions. Oxford University Press, 2002.
9. URL: <http://www.un.org/ru/members> (дата обращения: 16.07.2011).
10. Резолюция № 1929 (2010), принятая Советом Безопасности ООН на 6335-м заседании 9 июня 2010 г. S/RES/1929 (2010). URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929%20\(2010\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929%20(2010)) (дата обращения: 26.07.2011).
11. URL: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/z?c111:H.R.2194> (дата обращения: 25.07.2011).
12. Gozaresh-e sanduq-e bainalmillali-ye pula z 9 shahes-e kulan-e eqtesad-e iran dar sal-e 2010 // Eqtesad-e iran. № 141. aban 1389.
13. Fassihi F. Iran's Economy Feels Sting of Sanctions. Shortages, Layoffs and Inflation Fears are Seen Four Month after U. N. Measures: a "Chaotic and Unpredictable" Market // The Wall Street Journal. 2010. October 12.
14. Iran Gasoline Capacity to «Keep Growing» // Tehran Times. 2010. October 7.
15. Dzhuziyat-e tarh-e zarbati-ye benzin 'elam shod // Econews. 1389/06/27.
16. Sahmiye-ye benzin-e mehrmah 60 litr taain shod // Econews. 1389/06/24.
17. Iran Defence and Security Report. London, 2010. Q4.
18. Shayerah I. Iran's Economic Conditions: US Policy Issues. Washington, 2010.
19. U. S. Enlists Oil to Sway Beijing's Stance on Tehran // The Wall Street Journal. 2009. October 20.
20. Diplomat Calls China Iran's Major Trade Partner In Asia // Fars News Agency. 2009. July 7.
21. The Associated Press. 2010. July 30.
22. Reuters. 2010. July 23.
23. Bloomberg. 2010. August 2.
24. Katzman K. Iran Sanctions. Washington: Congressional Research Service, 2010.
25. Foreign Investment Conference to be Held in Iran // Islamic Republic News Agency. 2009. May 27.
26. Iran, China Sign \$5 Bln Gas Deal // Agence France-Presse. 2009. June 3.
27. Erdbrink T. Sanctions Slow Development of Huge Natural Gas Field in Iran // The Washington Post. 2010. July 23.
28. Iran Investment Monthly N 55–56 (April&May 2011).
29. McLean E. V., Whang T. Friends or Foes? Major Trading Partners and the Success of Economic Sanctions // International Studies Quarterly. 2010. N 54.
30. Small Shipping Companies in Asia Ferrying Iran's Petrochemicals // Platts. 2010. October 13.
31. Drummond J., Khalaj M. Iran Finds Way Round Petrol Sanctions // Financial Times. 2011. February 7.
32. Sheppard D., Pamuk H. Iran Pays 25 Percent More for Gasoline // Reuters. 2010. August 5.
33. Saul J. Sanctions Hit Iran's NITC Ship Insurance Cover // Reuters. 2011. February 18.

34. Iran is Active in Latin America: Envoy // The Islamic Republic News Agency. 2011. January 11.
35. *Siebert T.* Abdullah Visit a Boost for Turkey-Iran Ties // The National. 2011. February 13.
36. *Lamloum I.* Venezuela Submits to no one, says Chavez in Libya // AFP. 2010. October 23.
37. Venezuela to Resume Gasoline Shipments to Iran, EIG reports // Bloomberg. 2011. February 1.
38. Chávez May Be Violating Iran Sanctions // The Wall Street Journal. 2011. March 7.

Статья поступила в редакцию 31 октября 2011 г.